

Белинский А.В.¹

Тень Будапешта на Бальхаузплац: Австрия между либеральной демократией и «орбанизацией»

Мне бы не хотелось сравнивать Австрию с Венгрией, и особенно с Польшей, но, вероятно, и там совершенно не подозревали, что их ждет.

Сабина Матвейко, Объединение судей Австрии

Аннотация. В статье рассматривается состояние либеральной демократии в современной Австрии, которое в последнее время стало предметом широкой общественно-политической дискуссии. Социально-экономические проблемы, миграционный кризис 2015–2016 гг. и неспособность политической элиты реагировать на вызовы времени, с одной стороны, способствовали усилению позиций правопопулистской Австрийской партии свободы, а с другой стороны, привели к радикализации консервативной Австрийской народной партии при ее новом председателе С. Курце. Победа двух этих партий на осенних выборах 2017 г. и последующие переговоры между ними, кульминацией которых стало создание правительственной коалиции во главе с С. Курцем, ознаменовали новый этап в политической истории Австрии. Как отмечают некоторые исследователи и журналисты, 2018–2019 гг. ознаменовались рядом серьезных изменений в стране, напоминавших процессы, происходившие в Восточной Европе десятью годами ранее. В частности, партии правительственной коалиции попытались установить контроль над рядом средств мас-

¹ **Белинский Андрей Викторович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (belinskii_andrei@mail.ru).

своей информации с помощью так называемых «рекламных объявлений» – системы размещения информации в прессе различными государственными органами за определенную плату. Следствием этого стало постепенное ухудшение ситуации со свободой слова в стране. Происходящее напоминало события в Венгрии, Польше и ряде других восточноевропейских стран, где праворадикальные популисты различными путями взяли под контроль значительную часть прессы и телевидения. Аналогичные процессы наблюдались и в системе государственного управления, где каждая из сторон стремилась сформировать собственные неформальные «сети». Одновременно Австрия взяла курс на ужесточение миграционной политики и сближение со странами Вышеградской группы. В заключение статьи автор отмечает, что, хотя Австрия продолжает оставаться демократическим государством, в последнее время в ее внутренней и внешней политике наметился ряд тенденций, указывающих на ее постепенную «орбанизацию».

Ключевые слова: Австрия, С. Кури, «ибица-гейт», Австрийская народная партия, Австрийская партия свободы, «орбанизация».

Однажды в Вене

В сознании европейского обывателя или приезжего туриста, пожелавшего на несколько дней остановиться в Вене, Австрия почти непременно ассоциируется с утонченной архитектурой, наследием великих композиторов, подаривших миру «Турецкий марш» и «Венский вальс», бесконечными балами, уносящими танцующих в блестящий XIX век. И, конечно же, с великолепной природой, щедро компенсировавшей потерю значительной части территории и утрату статуса великой державы¹. Казалось бы, в этом земном Эдеме в центре Европы, надежно защищенном от геополитических бурь и «великих мятежей» не только цепью высоких гор, но и нейтральным статусом², все должно быть направлено на развитие экономики, науки и свободных искусств, а

¹ Как известно, Австрия проиграла Первую мировую войну и по Сен-Жерменскому договору 1919 г. лишилась значительной части территории – Венгрии, Чехии, Словакии, Южной Польши. Кроме того, территориальные уступки были сделаны Румынии и Королевству сербов, хорватов и словенцев.

² Австрия официально стала нейтральной в 1955 г.

само слово «политика» может всплывать только во время парламентских выборов, да на страницах школьных учебников. Но мало кто до недавнего времени мог представить себе, что под обманчивой маской величавого альпийского спокойствия кипят почти шекспировские страсти, плетутся сложные политические комбинации, по тонкости и глубине замысла достойные шахматных партий А. Алехина¹ и Х.Р. Капабланки², а сама идея либеральной демократии станет предметом ожесточенных сражений.

«Я стояла на сцене театра в Верхней Австрии и дивилась тому, что многие в зале уткнулись в свои смартфоны, а половина зала не вернулась на свои места после антракта», – вспоминает кабаре-артистка Аида Лоос. Бургомистр Вены Михаэль Хойпль делится схожими впечатлениями: «На одном мероприятии мой преемник передал мне телефон, и там было это видео. Сначала я подумал, что это фейк, чья-то злая шутка. Я не думал, что даже Штрахе способен на такое» (цит. по: [Baum, 2021]). Именно так начинался «ибица-гейт»³, громкий коррупционный скандал, весной 2019 г. потрясший основы Второй республики.

На видео, которое оказалось в распоряжении немецких изданий «Süddeutsche Zeitung» и «Der Spiegel», лидер правопопулистской Австрийской партии свободы вице-канцлер Австрии Х.-К. Штрахе и его партийный соратник Й. Гуденус оживленно обсуждали покупку крупнейшей австрийской газеты «племянницей»⁴ российского олигарха в обмен на крупные государственные контракты.

¹ А. Алехин (1892–1946) – выдающийся российский шахматист, четвертый чемпион мира. Известен острым атакующим стилем.

² Х.Р. Капабланка (1888–1942) – выдающийся кубинский шахматист, третий чемпион мира. Внес большой вклад в развитие шахматной теории.

³ Скандальное видео, спровоцировавшее политический кризис, было сделано летом 2017 г. на испанском острове Ибица. Именно поэтому скандал получил название «ибица-гейт» по аналогии с уотергейтским скандалом.

⁴ «Племянница» российского олигарха в итоге оказалась студенткой боснийского происхождения, которая фактически выступила в роли «приманки» для лидера АПС Х.-К. Штрахе. Примечательно, что полиция до сих пор не смогла ни установить ее личность, ни задержать ее.

«Если она действительно установит контроль над газетой ("Kronen Zeitung". – А.Б.)... я скажу ей, что она должна создать фирму наподобие "Strabag", поскольку все государственные заказы, которые сейчас получает "Strabag"¹, получит она» [Die gesamte ..., 2019], – рассуждал лидер австрийских праворадикальных популистов с такой же непосредственной будничностью, с какой биржевые маклеры обсуждают между собой котировки акций или детали успешной сделки.

Откровения Х.-К. Штрахе, в одночасье ставшие достоянием всего общества, вызвали острейший политический кризис с момента основания Второй республики. Собравшаяся вечером 17 мая 2019 г. на Бальхаузплац толпа движимых праведным гневом граждан потребовала немедленной отставки Х.-К. Штрахе с поста вице-канцлера, в то время как за закрытыми дверями четыре человека – канцлер С. Курц, его советник С. Штайнер, сам Х.-К. Штрахе и его однопартиец министр внутренних дел Г. Кикль – обсуждали дальнейшую судьбу правительственной коалиции, которую в конце 2017 г. образовали консервативная Австрийская народная партия (АНП) и правопопулистская Австрийская партия свободы (АПС)². Однако заявление виновника скандала о полном уходе из большой политики, сделанное на следующий день, в действительности стало не концом острейшего кризиса, а тем «камешком», который сдвинул с места огромную лавину, обрушившуюся спустя два года на изумленную публику.

В мае 2021 г. австрийская прокуратура по экономическим и коррупционным преступлениям (Die Wirtschafts- und Korruptionsstaatsanwaltschaft, WKStA) выдвинула обвинения в лжесвидетель-

¹ «Strabag» – австрийская строительная компания, одна из крупнейших в Европе.

² По утверждениям Х.-К. Штрахе и Г. Кикля, речь шла о джентльменском соглашении между двумя партиями: в обмен на уход Х.-К. Штрахе со всех постов С. Курц якобы дал обещание сохранить коалицию с праворадикальными популистами. Но сразу после пресс-конференции Х.-К. Штрахе канцлер потребовал также ухода Г. Кикля с поста министра внутренних дел, что привело к отставке всех министров от АПС и новым выборам осенью 2019 г. О причинах подобного поведения канцлера мы поговорим позднее.

стве против канцлера С. Курца, считавшегося надеждой консервативных сил не только в небольшой Альпийской республике, но и далеко за ее пределами¹. Причина? Ложные показания канцлера в парламентской комиссии относительно своей роли в назначении одного из близких друзей на пост главы крупного полугосударственного концерна. А осенью того же года на граждан Австрии, еще не оправившихся от «ибица-гейта» и майских разоблачений WKStA, обрушился новый удар. Новые обвинения в адрес С. Курца – на этот раз в незаконном финансировании своей избирательной кампании. Спустя три дня, 9 октября, канцлер С. Курц заявил о своей отставке ради сохранения политической стабильности («моя страна важнее, чем моя личность»).

«Мы не такие» (*нем.* So sind wir nicht), – почти патетично заявлял еще 23 мая 2019 г. президент Австрии А. Ван дер Беллен, пытаясь спасти репутацию политического класса, а вместе с ней и пошатнувшуюся веру населения в демократию. Однако появляющиеся в прессе все новые и новые подробности коррупционных скандалов, которыми представителей «четвертой власти» постоянно снабжали служители юстиции, подрывали и без того невысокое доверие австрийцев к своей политической элите.

Черeda громких скандалов, подобная обрушившейся на Австрию снежной лавине, как никогда остро поставила вопрос не только о моральных качествах ведущих политиков страны и финансировании политических партий, но и о судьбе самой либеральной демократии в стране, чье политическое развитие в последнее время с подозрительной частотой становилось предметом сравнений (как в журналистской, так и в научной среде) с Венгрией В. Орбана и Польшей братьев Качиньских.

Почему еще недавно казавшаяся незыблемой демократическая модель попала под огонь коррупционных скандалов, связанных с далеко идущими планами политиков из консервативного и

¹ В частности, в соседней ФРГ молодой австрийский канцлер обрел немало сторонников в консервативном лагере, в числе которых были такие влиятельные политики, как председатель баварского ХСС Х. Зеehoфер, его однопартиец, бывший генеральный секретарь партии А. Добриндт, министр здравоохранения ФРГ Й. Шпан, и др.

правопопулистского лагерей по «перестройке» страны по своим лекалам? Как далеко простерлась тень не столь уж далекого Будапешта над Бальхаузплац¹? И наконец, удастся ли австрийской демократии преодолеть сильнейший с момента основания Второй республики кризис легитимности политических институтов?

Разобраться во всей этой без преувеличения детективной истории будет непросто. Большинство ее героев (или антигероев) предпочитают либо хранить молчание, либо горячо отрицать свое участие в инкриминируемых им юстицией действиях, а многие приводимые факты еще требуют судебной оценки. Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы все же позволяют с известной точностью по кусочкам реконструировать недавние события новейшей политической истории Австрии. А компаративный анализ – сравнение нынешнего положения дел в Австрии с теми процессами, которые происходят в восточноевропейских странах (в первую очередь, в Польше и Венгрии), – дает ответ, как далеко зашел процесс «орбанизации» на территории Альпийской республики.

«Нам не хватает Трампа»

Условной точкой отсчета для нашего исследования² является 24 апреля 2016 г. Именно в этот день состоялся первый тур президентских выборов в Австрии³, повергший в шок и политическую элиту, и европейских наблюдателей. В то время как кандидаты от обеих «народных партий» – Р. Хундсторфер (Социал-демократическая партия Австрии, СДПА) и А. Коль (Австрийская народная

¹ Бальхаузплац – историческая площадь в Вене, где располагаются многие правительственные здания: Ведомство федерального канцлера, Министерство иностранных дел и др.

² Хотя в контексте дальнейшего развития событий более уместным было бы говорить о «расследовании».

³ Австрия является парламентской республикой, но здесь, в отличие от других стран с похожим государственным устройством (ФРГ, Италия), выборы президента проводятся путем прямого голосования.

партия, АНП) – набрали лишь 11% голосов¹, представлявший правопопулистскую Австрийскую партию свободы (АПС) Н. Хофер получил рекордные 35,5% [Norbert Hofer ..., 2016]. Сенсация не состоялась лишь благодаря созданию «республиканского фронта», объединившего все политические силы вокруг фигуры профессора экономики Венского университета А. Ван дер Беллена, который во втором туре сумел одержать победу с небольшим перевесом.

Хотя поле электоральной битвы в конечном счете осталось за демократическими силами, всем неангажированным наблюдателям вне зависимости от цвета их партийного знамени и политических вкусов было очевидно, что политическая система Австрии переживает серьезный кризис, вызванный как большим количеством накопившихся в стране проблем (размывание среднего класса, отсутствие крупных реформ и т.д.), так и неспособностью традиционной политической элиты выработать новый формат политики. В самом австрийском обществе все больше и больше нарастали авторитарные тенденции. Так, по данным социологического института SORA, в начале 2017 г. около 42–43% граждан страны в той или иной степени желали иметь сильного лидера, который будет действовать без оглядки на парламент и партии [Rathkolb, Zandonella, Günther, 2017, S. 7]. «Нам не хватает Трампа», – написал в чате высокопоставленный чиновник Министерства юстиции К. Пиначек [Melichar, Nikbakhsh, 2021a]. И он был не одинок в своем убеждении. Поэтому нет ничего удивительного в том, что правопопулистская Австрийская партия свободы, сумевшая успешно пережить и раскол, и уход из правительства, с каждым годом усиливала свои позиции. Казалось, еще чуть-чуть – и бастион демократии будет сметен поднявшейся в западном мире волной праворадикального популизма.

Именно в этой душливой общественной атмосфере, готовой в любой момент полыхнуть новыми «гроздьями гнева», на политической сцене страны появился молодой деятель консервативной Австрийской народной партии Себастиан Курц. Он обратил

¹ Впервые в истории республики представители двух крупнейших политических партий получили столь низкий результат.

на себя внимание австрийского политика сначала своей эпатажной избирательной кампанией, а потом неожиданным назначением на пост статс-секретаря по вопросам интеграции при МВД. А в декабре 2013 г., к немалому удивлению общественности по обе стороны австрийских Альп, этот политический вундеркинд, не успевший даже закончить университет, возглавил МИД Австрии, из окна которого хорошо просматривалось здание ведомства федерального канцлера.

В начале своей бурной карьеры¹ С. Курц придерживался либеральных взглядов, но по мере политического «взросления» все больше присматривался к тем идеям и лозунгам, которые ежедневно артикулировали лидеры правопопулистского лагеря. Не имея законченного высшего образования² и возможности вращаться в среде интеллектуалов, проводящих свободное время в утонченных разговорах об эстетике и философии, молодой политик лучше и тоньше своих коллег чувствовал дух времени (*нем. Zeitgeist*), витающий над площадями европейских столиц. От его проницательного взора не укрылись ни рост антимигрантских настроений в обществе, ни желание сограждан видеть во власти ярких, энергичных политических деятелей, ни стремление общества к переменам. Для молодого человека, стремившегося, подобно бальзаковскому герою Э. Растиньяку, во что бы то ни стало пробиться в высший свет, подобного рода ситуация предоставляла уникальный шанс. «Когда на повестке дня оказалась проблема миграции, его риторика внезапно изменилась и стала похожей на декларации политиков из крайне правого лагеря, а сам он стал не таким, как прежний С. Курц, которого я знал. Это было очень

¹ Даже при поверхностном знакомстве с основными вехами биографии С. Курца поражает скорость, с которой он продвигался по карьерной лестнице: 24 года – статс-секретарь по вопросам интеграции, 27 лет – министр иностранных дел, 31 год – федеральный канцлер Австрии. Более подробно его политический путь описан в монографии автора, которая сейчас готовится к печати: Белинский А.В. «Себастиан Курц: портрет в серых тонах».

² С. Курц поступил на юридический факультет Венского университета, но так и не закончил его.

странно», – так описывал метаморфозу С. Курца его коллега по политическому цеху Д. Штокмеллер («Зеленые»).

Разразившийся летом-осенью 2015 г. миграционный кризис превратил министра иностранных дел Австрии, не побоявшегося бросить вызов самому влиятельному политику в Европе – канцлеру ФРГ А. Меркель, в кумира европейских правых, а триумф АПС в первом туре президентских выборов должен был укрепить его во мнении о необходимости радикальных перемен. По всей видимости, именно в это время в узком кругу единомышленников будущего австрийского канцлера и зародился амбициозный план по завоеванию власти и дальнейшему преобразованию страны, который получил название «Проект Бальхаузплац»¹.

Уход Р. Миттерленнера с поста председателя Австрийской народной партии в мае 2017 г.² открывал перед молодым политиком все пути. Уже с первых дней пребывания на капитанском мостике АНП С. Курц стремился заявить о себе как о реформаторе, стремящемся модернизировать остро нуждающийся в свежих идеях консервативный лагерь. «Бирюзовый вместо черного, молодость вместо старости, новый стиль», – отмечала колумнист газеты «Falter» Б. Тодт [Der türkise ..., 2021]. Но важнее смены внешней символики было то, что внутри АНП произошли кардинальные изменения. На смену «феодальной вольнице», которой была «сильная» партия с момента своего основания, пришли почти армейская дисциплина и полное подчинение земельных организаций и партийных «генералов» молодому лидеру, едва перешагнувшему 30-летний рубеж. А идейный багаж «Новой народной партии – список С. Курца» (такое название получили австрийские консер-

¹ У документа «Проект Бальхаузплац» достаточно интересная история. Осенью 2017 г., незадолго до парламентских выборов, в редакцию газеты «Falter» поступил материал, который якобы представлял собой стратегический план С. Курца и его соратников. Хотя подлинность этого документа еще требует подтверждения, но последующий ход событий полностью совпадает с теми шагами, которые были прописаны в «Проекте Бальхаузплац».

² Отставка представлявшего традиционную линию АНП Р. Миттерленнера была следствием изоциренных «византийских интриг», которые С. Курц и его окружение плели против председателя партии почти целый год.

ваторы) пополнился лозунгами и постулатами из арсенала праворадикальных популистов Старого Света. И действительно, анти-мигрантская риторика стала той козырной картой, которая позволила им разбить поочередно всех своих политических оппонентов.

Победа С. Курца на парламентских выборах осенью 2017 г. с последующим заключением союза с правопопулистской Австрийской партией свободы не только означала постепенную победу «радикализировавшегося консерватизма» внутри АНП, стремившегося, по мнению австрийского журналиста и политолога Н. Штробля, оживить увядающее консервативное «древо жизни» посредством «инъекции» правопопулистских идей (подробнее см.: [Strobl, 2021]), но и открыла новую главу в политической истории Австрии.

Во многом схожую идейную эволюцию в свое время прошел нынешний премьер-министр Венгрии В. Орбан, уже ставший своего рода иконой для многих правых и консервативных сил по обе стороны Атлантики¹. «Четырьмя годами ранее (в 1988 г. – А.В.) молодой венгр основал либеральную протестную партию, которая удивительно быстро добилась успеха... Спустя три десятилетия бывший диссидент из коммунистической Венгрии стал главным героем движения, противостоящего либеральным ценностям Европейского союза – правовому государству, свободе слова и преподавания, правам меньшинств, – и противопоставил либеральному мейнстриму контрмодель – “нелиберальную демократию”», – отмечали колумнисты австрийского журнала «Profil» [Wie man ..., 2021].

После «второго пришествия во власть»² В. Orbana и его партии «Фидес» в 2010 г. политический режим в Венгрии начал постепенно смещаться вправо. «Смена вех» стала особенно очевидной после принятия новой Конституции страны в 2011 г., преамбула которой указывает, что «нация, отечество и христианская вера задают рамку совместной жизни в Венгрии» [Vetter, 2017, S. 69].

¹ Об авторитете В. Orbana в консервативном лагере можно судить по тому, с какими почестями он был принят на съезде Республиканской партии США в начале августа 2022 г. и во время своего визита в Австрию в июле 2022 г.

² В первый раз В. Орбан стал премьер-министром в 1998 г.

Аналогичные процессы происходили и в Польше, где братья Качиньские, являвшиеся в 1980-х годах активными участниками антикоммунистической «Солидарности», впоследствии встали во главе антидемократических, националистических сил: «Ярослав Качиньский и его национал-консервативные соратники прямодушно восприняли свои избирательные успехи в 2015 г. как наказ польской нации построить сильное централизованное государство с авторитарными чертами, осуществить систематическую смену элит и “моральный поворот”» [Vetter, 2017, S. 21].

И дальнейшие действия С. Курца, последовавшие за его вступлением в должность федерального канцлера, как внутри страны, так и на международной арене невольно вызывали ассоциации с процессами, протекающими в восточноевропейских странах.

Власть, СМИ и «рекламные объявления»

И во время своей избирательной кампании, и в ходе переговоров по созданию правительственной коалиции молодой политик постоянно обещал согражданам «новый стиль» в политике. Изменения действительно наступили, хотя совсем не такие, на какие рассчитывали жители Альпийской республики.

В первую очередь новоиспеченный глава правительства и его советники подвергли капитальной «ревизии» взаимоотношения правительства со СМИ, которые были «ахиллесовой пятой» «большой коалиции»¹, правившей на протяжении десяти лет (2008–2017). «Раньше в АНП каждый был сам по себе и продвигал собственную повестку при поддержке какого-нибудь союза или организации», – отмечал в интервью журналу «Profil» советник канцлера по взаимодействию со СМИ Г. Фляйшманн [Fleischmann, 2020]. С приходом к власти С. Курца ситуация кардинальным образом изменилась. «Наша совместная работа с коллегами из АНП протекала в атмосфере взаимного уважения и коллегиальности, и все же у меня часто возникало ощущение, что они просто выучили наизусть свои роли, за их словами не чувствовалось никаких эмо-

¹ Так в ФРГ и Австрии называют коалицию христианских демократов (консерваторов) и социал-демократов.

ций, никаких искренних идеалов, никакой аутентичности», – вспоминал впоследствии вице-канцлер Х.-К. Штрахе (АПС) [Strache, 2021, S. 181]. Пресловутый «message control» (как журналисты окрестили разработанную и внедренную Г. Фляйшманном систему взаимоотношений власти со СМИ) касался не только министров от консервативной партии, но даже их партнеров по коалиции, которые подчас были вынуждены согласовывать свои публичные выступления с окружением С. Курца!

Но даже если «message control» в рядах правительственной коалиции был вполне оправданным шагом, то попытки канцлера и его окружения «накинуть узду» на представителей прессы уже выходили за рамки закона. Особенностью медийного ландшафта Австрии является то, что здесь – в отличие от соседней ФРГ – после Второй мировой не возникли такие крупные издательства, как «Springer Verlag» или «Bertelsmann», способные гарантировать прессе достаточно широкую автономию (в первую очередь, финансовую) от власти имущих. В Австрии, по словам руководителя исследовательского института «Medienhaus Wien» А. Кальтенбруннера, очевидна «экономическая зависимость прессы от государства, и в этих традиционно симбиотических отношениях политика постепенно принимает на себя ведущую роль, а массмедиа и журналистика все больше оказываются под давлением» [Kaltenbrunner, 2021].

Желание правящих элит показывать себя в выгодном свете вкупе с тягой редакторов австрийских СМИ к собиранию «земных сокровищ» создали предпосылки для возникновения многих сомнительных практик. Еще в 2012 г. разгорелся скандал, когда выяснилось, что тогдашний канцлер В. Файман использовал так называемые «инзераты» (*нем.* Inserat – рекламное объявление. – А.В.) для формирования позитивного имиджа правительства. Но если в период правления «большой коалиции» такие случаи были единичными, то после прихода к власти С. Курца это стало превращаться в систему.

В 2016–2017 гг., когда С. Курц вел борьбу сначала за пост председателя партии, а потом – главы правительства, его окружение также прибегало к «рекламным объявлениям» для продвиже-

ния молодого политика. Не имея официального доступа к партийной казне АНП, С. Курц обратился за помощью к своему другу Т. Шмиду, генеральному секретарю в Министерстве финансов. Шмид фактически в обход закона выделил крупную сумму на проведение «социологических опросов», а фактически – на подкуп прессы. Он же наладил контакт с братьями Феллнерами, владельцами газеты «Österreich» и портала OE24. Именно по линии этих СМИ шла информационная подготовка к передаче власти в АНП С. Курцу¹.

Триумфальная победа консерваторов в осеннем политическом марафоне 2017 г., очевидно, должна была еще больше укрепить новоиспеченного канцлера в убеждении, что именно контроль над СМИ поможет ему консолидировать власть и обеспечить ей политическое долголетие. Поэтому первые месяцы пребывания С. Курца на посту главы правительства ознаменовались решительным наступлением консерваторов на медийном фронте с вполне очевидной целью: подчинить бульварные СМИ ведомству федерального канцлера. В вышеупомянутом интервью Г. Фляйшмана журналу «Profil» советник канцлера по взаимодействию со СМИ с определенной долей цинизма, присущего многим PR-специалистам, рассуждал: «Канцлер имеет особую близость к народу. Он хочет реализовать то, что считает правильным. Но ему нужно убедить в этом народ, поскольку он не может действовать в одиночку, не опираясь на мнение людей. Поэтому он считает, что нужно понятно объяснять, что он намеревается делать. А для этого ему нужны “дальнобойные” медиа» [Fleischmann, 2020].

Пристрастие канцлера и его «двора» к «дальнобойным» медиа скоро приобрело конкретные очертания. Если в начале 2018 г. расходы различных министерств и ведомств на работу со СМИ составляли 1,9 млн евро, то к апрелю 2020 г. они достигли примерно 11 млн евро, а к концу года превысили эту отметку. Негласное первое место на этой политической «ярмарке тщеславия» заняло ведомство федерального канцлера, щедро снабжавшее редакции

¹ Именно такой версии придерживается в настоящее время австрийская прокуратура.

«Kronen Zeitung», «Österreich» и других изданий не только «рекламными объявлениями», превратившимися в своеобразные «фиговые листки», стыдливо прикрывающие коррупционную сущность этих австрийских медиа, но и фактически прямыми недвусмысленными указаниями. Еще в разгар избирательной кампании 2017 г., когда С. Курц был только подающим большие надежды консервативным политиком, сотрудники предвыборного штаба «Новой народной партии – список С. Курца» не стеснялись звонить редакторам и журналистам различных газет и журналов, чтобы выяснить, под каким медийным «соусом» будет подана та или иная статья.

Приход к власти «бирюзово-синей» коалиции ожидаемо привел к дальнейшему усилению тенденций, направленных на подчинение части СМИ государственным и партийным институтам. Одновременно усилился и «message control» в отношении представителей «четвертой власти». Журналисты утверждали, что значительно участились попытки вмешательства в их работу: «Как правило, это происходит по телефону, и звонящий проявляет особую настойчивость: пресс-секретарь Г. Фляйшманн хватается за трубку даже тогда, когда хочет пожаловаться, что редакторы используют термин “черно-синий”, тогда как следует писать “бирюзово-синий”¹» [Scheuba, 2018].

Не отставали от консерваторов и их союзники по правительственной коалиции – правопопулистская Австрийская партия свободы, лидеры которой откровенно декларировали антидемократические планы по переустройству страны и с нескрываемой завистью поглядывали на Восток. В возглавляемом Г. Киклем Министерстве внутренних дел около 50 человек были задействованы на информационном фронте, а «фавориты» партии – информационные порталы «Zur Zeit» и «unzensuriert.at» – получали финансовую поддержку, пусть и не столь щедрую, как близкие к консерваторам СМИ.

¹ Отнюдь не случайно и среди своих партийных товарищей, и среди политических оппонентов Г. Фляйшманн заслужил прозвище «Mann fürs Grobe» – буквально: «человек для грязной работы».

При этом критически настроенные по отношению к новому правительству СМИ («Falter», «Profil» и др.) зачастую оказывались в «блестящей изоляции», лишались и финансовой помощи, и доступа к информационным источникам в правительственных кругах.

За недолгий период пребывания С. Курца на посту федерального канцлера Австрия опустилась на 31-е место в международном рейтинге свободы слова [Всемирный индекс ..., 2022]. Это свидетельствовало о серьезных проблемах со свободой слова в стране, но, с точки зрения главы правительства и его партнеров по коалиции, все было ровно наоборот: контроль над СМИ укреплял позиции правительства, а вместе с этим – и личную власть молодого канцлера, очевидно, рассчитывавшего на долгое пребывание на политическом олимпе.

Стремление праворадикальных популистов и быстро радикализирующихся австрийских консерваторов к установлению контроля над СМИ, в первую очередь – над бульварной прессой, обладающей колоссальным влиянием в области формирования общественного мнения, имело отнюдь не случайный характер. Как отмечают экономисты С. Гуриев и Д. Трейсман, в настоящее время в условиях массового распространения высшего образования, развития международной торговли и Интернета даже самые явные авторитарные режимы практически не в состоянии удерживать власть исключительно «на штыках», проводя репрессии в отношении инакомыслящих и оказывая давление на различные группы населения [Guriev, Treisman, 2019]. Поэтому многие авторитарные и гибридные режимы делают ставку не столько на насилие (хотя и оно занимает прочное место в их арсенале), сколько на установление контроля над СМИ.

Именно этим путем пошли в свое время Польша, Венгрия и ряд других стран Юго-Восточной Европы, где правящие элиты тем или иным способом поставили под свой контроль значительную часть ведущих изданий. Так, например, приход к власти в Венгрии партии «Фидес» привел к постепенному установлению государственного контроля над прессой и телевидением: «Более 200 параграфов принятого в конце 2010 г. закона о СМИ содержали массу сомнительных предписаний, которые подчас были крайне рас-

плывчато сформулированы и оставляли достаточно места для толкования в интересах государства» [Vetter, 2017, S. 70]. Одновременно связанные с В. Орбаном олигархи скупали газеты и журналы, чтобы потом поставить их под контроль государства.

Игра в монополию

Параллели между процессами, протекающими на восточных окраинах Старого Света и недавними событиями в Австрии, прослеживались не только в стремлении правящих элит добиться лояльности СМИ, но и в действиях правительства в сфере экономики. Речь в данном случае идет не о привычных для обывателя интервенциях Национального банка, борьбе с инфляцией или обеспечении экономического роста, а об установлении контроля (пусть даже теневого) над наиболее крупными предприятиями страны в интересах правящей партии и их лидера.

Один из «смертных грехов» послевоенной Австрии, который она до сих пор не смогла «искупить», – тесное переплетение политики и экономики. «В первые годы после образования Второй республики вопреки официальным заявлениям не было никакого “духа Лагерштрассе”¹, а вместо гармоничного сосуществования между АНП и СДПА было глубокое недоверие. Поэтому коалиционеры обговаривали вплоть до мельчайших деталей, кто займет какой пост»², – отмечал журнал «Profil» [Zöchling, Winter, Bauer, 2022]. Со временем новая политическая система стабилизировалась, но практика раздачи постов в «кормление» партийным функционерам и близким друзьям благополучно сохранилась и по сей день, создав подходящую почву для коррупции, тайных сделок и незаконного финансирования политических партий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что С. Курц и его окружение продолжили эту практику.

¹ *Лагерштрассе (нем.) – лагерная улица, так на сленге нацистов назывался центр концентрационного лагеря. «Дух Лагерштрассе» означает память о холокосте и трагических событиях Второй мировой в Австрии и Германии.*

² *Эта система получила в Австрии название «FreundeWirtschaft», что можно перевести на русский как «кумовской капитализм».*

«Сегодня Шифер разговаривал со Штрахе и Неметом относительно участия в акционерных обществах. Они не хотят отдельный инфраструктурный холдинг. ÖBIB¹ должен остаться за Министерством транспорта, инноваций и технологий. Здесь нужен прямой контроль. Новый ÖBIB, который мы хотим, вполне приемлем для АПС... Превосходная сделка для АНП», – написал в ноябре 2017 г. ближайший соратник С. Курца Т. Шмид [Mitteilung nach ..., 2021, S. 11].

Это краткое сообщение, направленное «верным преторианцем» (как однажды Т. Шмид с гордостью именовал себя в переписке) своему патрону, готовившемуся вступить в должность главы правительства, приоткрывает завесу тайны над кипучей деятельностью, вершившейся вдали от глаз общественности и журналистов. Фактически речь шла о том, чтобы разделить сферы влияния между АНП и АПС и тем самым подготовить почву для союза обеих партий. В обмен на то, что в «кормление» консерваторам будет передан ÖBIB – один из крупнейших холдингов в стране, чей годовой оборот составлял десятки миллиардов евро, – австрийские праворадикальные популисты должны были получить места в наблюдательных советах ряда других значимых фирм (APG², BIG³ и др.).

Но одного согласия будущих партнеров по коалиции было недостаточно, чтобы поставить во главе холдинга своего человека; требовалось принять соответствующий закон, устанавливающий в ÖBIB единоличное правление (*нем.* Alleinvorstand)⁴, а также получить согласие остальных членов правления на избрание Т. Шмида.

Последующие месяцы прошли в интенсивных хлопотах вокруг ÖBIB, в которых помимо канцлера и самого Т. Шмида, меч-

¹ ÖBIB (*Österreichische Bundes- und Industriebeteiligungsholding*, впоследствии переименована в *Österreichische Beteiligungs AG*, ÖBAG) – австрийская государственная холдинговая компания, занимающаяся управлением инвестициями в государственных и полугосударственных компаниях.

² APG (*Austrian Power Grid*) – австрийская энергетическая компания.

³ BIG (*Bundesimmobiliengesellschaft*) – австрийская компания, занимающаяся управлением государственной собственностью.

⁴ До этого холдинг находился под управлением совета директоров.

тавшего о кресле главы концерна и высоких окладах, участвовал также министр финансов Г. Блюмель, что, разумеется, шло вразрез с законом, напрямую запрещающим государственным чиновникам подобного рода вмешательства. Интенсивная переписка между тремя участниками «битвы» за контроль над холдингом ÖBIB свидетельствует о высокой степени вовлеченности различных государственных институтов в коррупционные схемы.

Так, в конце декабря 2017 г. между Т. Шмидом и министром финансов Г. Блюмелем происходила следующая эмоциональная переписка:

«Т. Шмид: Я сегодня брошусь в Дунай, и ты будешь в этом виноват!

Г. Блюмель: Смотри, как бы не спрыгнуть мне на голову!

Т. Шмид: Ты должен помочь мне провести закон. Ты действительно должен!» [Mitteilung nach ..., 2021, S. 14].

При этом, как свидетельствует переписка между Т. Шмидом и С. Курцем, происходившая уже в феврале 2018 г., канцлер принимал самое активное участие в назначении своего сподвижника на пост главы холдинга:

«Т. Шмид: Привет, Себастиан. Мартина Саломон¹ по поручению Бранди² пишет статью, посвященную ÖBIB. Помимо прочего, она хочет упомянуть меня в качестве согласованного кандидата на пост главы ÖBIB... Закон (о введении единоличного правления в холдинге. – А.Б.) находится в начале обсуждения. Слушания еще будут продолжаться. Еще ничего не решено. Не мог бы ты отговорить Бранди упоминать меня и сказать ему, что его затея – глупость? С наилучшими пожеланиями, Т.

С. Курц: Ну да, он ненавидит меня. А что если Лёгер позвонит ему или ты сам? И я с удовольствием ему позвоню, но не уверен, что это поможет!» [Ibid.].

¹ Корреспондент, впоследствии редактор газеты «Kurier».

² Вероятно, речь идет о журналисте Г. Брандштэттере, который с 2010 по 2019 г. занимал должность редактора «Kurier».

Готовясь к вступлению в новую должность, Т. Шмид стремился избежать преждевременной огласки, которая могла бы расстроить его честолюбивые планы¹.

Наконец в начале 2019 г. Национальный совет принял необходимый закон, и Т. Шмид получил заветное место главы нового холдинга, переименованного в ÖBAG. В обмен, как уже говорилось выше, партнеры из АПС рассчитывали, что их ставленники получат места в правлении других важных компаний. Действия канцлера в принципе вполне укладывались в логику действий его предшественников на посту главы правительства, которые также назначали своих доверенных лиц на командные посты в экономике, договаривались с партнерами по коалиции о разграничении сфер влияния и т.д. Если бы не одно «но»: спустя несколько дней после назначения «верного преторианца» канцлера на пост главы ÖBAG встревоженный лидер АПС Х.-К. Штрахе написал своему однопартийцу А. Шиферу, который в 2017 г. участвовал в переговорах с консерваторами о создании коалиции: «Канцлер говорит, что наше соглашение со Шмидом не было обговорено с ним и теперь не имеет силы!» [Wie Kurz ..., 2021].

Таким образом, выполнив в полной мере свою часть обязательств, АПС в конечном счете получила в качестве утешительного приза лишь место в правлении игровой корпорации CASAG². Сознательно лишив АПС львиной доли причитавшейся ей по соглашению части «пирога», С. Курц недвусмысленно дал понять, что для него союз с австрийскими праворадикальными популистами не имеет стратегического характера. Да, осенью 2017 г. Австрийская партия свободы, подобно ракете-носителю, вывела политического вундеркинда из Майдлинга³ на высокую орбиту и теперь должна была уйти на привычную для нее скамейку запас-

¹ Эта переписка наглядно показывает, как на практике функционировал «message control» в годы пребывания С. Курца на посту канцлера.

² CASAG (Casinos Austria AG) – корпорация игорного бизнеса, основные владельцы которой – государство и специализирующийся на производстве игровых автоматов концерн «Novomatic».

³ Майдлинг – район в Вене, где родился и вырос С. Курц.

ных. Х.-К. Штрахе впоследствии говорил, что предчувствовал распад коалиции осенью 2019 г.

Действия С. Курца и его соратников в экономической сфере до известной степени напоминали политику правящих партий в Венгрии и Польше. Так, в Венгрии после прихода к власти партии «Фидес» государство начало активно вмешиваться в экономические процессы: в частности, поддерживало создание так называемых национальных чемпионов (концернов-монополистов в какой-либо отрасли) или возвращение (пусть и частичное) стратегических предприятий в государственную собственность, например в энергетическом секторе [Lang, 2015, S. 20]. Отличие Австрии от восточных соседей заключалось в том, что правительство С. Курца делало ставку не на построение государственного капитализма, а на экономический либерализм¹.

Примерно таким же образом обстояло дело и с праворадикальными и несистемными партиями. На пути к политическому олимпу В. Орбан активно использовал (хотя и в несколько смягченной форме) риторику и идеологию правой националистической партии «За лучшую Венгрию» («Йоббик»), вступал с ней в тактические альянсы, когда речь заходила о смене Конституции страны или ужесточении миграционной политики, но при этом не допускал их к реальным рычагам управления страной. Ситуация в Австрии отличалась тем, что, не имея абсолютного большинства в парламенте, С. Курц был вынужден *volens nolens* искать благосклонности АПС, которая, получив на осенних выборах 2017 г. солидные 26,5%, образно говоря, завладела ключом от кабинета федерального канцлера². Но можно с высокой долей уверенности предположить, что сам канцлер был готов при первой возможности заимствовать и повторить венгерский опыт.

¹ К тому же в Австрии вмешательство в экономические процессы ограничивалась только перераспределением государственных и полугосударственных предприятий между партиями правительственной коалиции.

² Правда, к явному огорчению Х.-К. Штрахе и его соратников, АПС так и не получила возможности занять этот кабинет.

Государство – это я?

Если неписанные (хоть и весьма сомнительные с точки зрения закона) «традиции» австрийской политики в известной мере помогли австрийским консерваторам привести к оммажу¹ «баронов» и «герцогов» бульварной прессы и установить контроль над ключевыми предприятиями, то несколько сложнее обстояло дело с государственным аппаратом. За время своего многолетнего пребывания у власти Австрийская народная партия сумела приобрести немало сторонников в государственном аппарате, в первую очередь в традиционной вотчине консерваторов – Министерстве внутренних дел. Как отмечает публицист и бывший депутат австрийского парламента П. Пильц, в силовых структурах страны сложилась неформальная сеть сторонников АНП, действовавшая в интересах партийного руководства: «АНП использовала Федеральное ведомство по защите Конституции и борьбе с терроризмом для того, чтобы получать компромат на политических конкурентов» [Pilz, 2021, S. 29]. Однако значительная часть судебной системы и органов юстиции пока находилась вне контроля со стороны канцлера и штаба «Новой народной партии – список С. Курца», что существенным образом сужало коридор возможностей для политической «реформации» в стране.

В этом отношении внутриполитическая ситуация в Австрии несколько отличалась от ситуации в Венгрии, Польше и ряде других восточноевропейских стран, где значительная часть законодательной, исполнительной и судебной властей прямо или косвенно находилась под контролем правящих партий. Так, приход к власти в Польше в 2015 г. правопопулистской партии «Право и справедливость» вскоре повлек за собой проведение крайне спорной судебной реформы, целью которой, по мнению независимых наблюдателей, было подчинение правительству судебной власти (в первую очередь – Конституционного суда): выборы судей в декабре 2015 г. свидетельствовали о стремлении партии «Право и справедливость» «найти кандидатов, наиболее зависимых от воли правительства, которые при этом были бы изолированы в юридических

¹ Оммаж – средневековая клятва верности вассала своему сюзерену.

кругах» [Bachmann, 2018, S. 11]. В конечном счете наступление праворадикальных сил на бастионы юстиции увенчалось успехом: «В Польше генеральный прокурор одновременно занимает и должность министра юстиции, а Юлия Пшилембська, президент Конституционного суда, является доверенным лицом председателя партии «Право и справедливость» Я. Качиньского» [Wie man ..., 2021].

Однако канцлера Австрии в 2018–2019 гг., вероятно, беспокоила не столько «нелояльность» прокуратуры, сколько демарш, организованный главой МВД Г. Киклем (АПС). Во время закулисного торга между консерваторами и АПС осенью-зимой 2017 г. была достигнута договоренность о распределении должностей, в соответствии с которой силовой блок правительства – министерства обороны и внутренних дел – был передан праворадикальным популистам. Но назначение на должность главы МВД заместителя Х.-К. Штрахе Г. Кикля стало серьезной стратегической ошибкой С. Курца, о которой он впоследствии, скорее всего, не раз пожалел.

Едва переступив порог перешедшего под его контроль могущественного ведомства, Г. Кикль стал «очищать» центральный аппарат МВД от сторонников АНП. А 28 февраля 2018 г. специальное подразделение полиции провело обыски в Федеральном ведомстве по защите Конституции и борьбе с терроризмом (*нем.* Bundesamt für Verfassungsschutz und Terrorismusbekämpfung, BVT), целью которого был поиск компрометирующих АПС материалов и ослабление нелояльной АПС организации [Brandstätter, 2019, S. 106]. Скандал с BVT, очевидно, не на шутку встревожил канцлера, который справедливо увидел в этом попытку подорвать свою власть. Фактически речь шла о борьбе между двумя партиями за контроль над государственными институтами и попытках «приватизации» государства в свою пользу¹. Аналогичные процессы наблюдались в 2000-х годах в восточноевропейских странах, где при-

¹ Нужно отметить, что С. Курц и его соратники подчас действовали гораздо тоньше и умнее, чем их партнеры по коалиции. Это объяснялось как большим политическим опытом консерваторов, так и наличием в окружении С. Курца людей со стратегическим мышлением.

шедшие к власти правые партии постепенно подчинили себе значительную часть государственного аппарата¹.

Однако разразившееся в мае 2019 г. политическое «землетрясение» разрушило честолюбивые замыслы сначала праворадикальных популистов, мечтавших о Третьей республике, скроенной по венгерскому образцу, а затем и их консервативных «союзников».

Тонкая красная линия

Если бы на Бальхаузплац упал метеорит, это не произвело бы такого впечатления на жителей Вены, как опубликованное 17 мая 2019 г. немецкими изданиями «Der Spiegel» и «Süddeutsche Zeitung» многочасовое видео, на котором была запечатлена встреча на Ибице летом 2017 г. Х.-К. Штрахе и его заместителя Й. Гуденуса с «племянницей» российского олигарха. Скрытые камеры и микрофоны беспристрастно фиксировали столь же пространственные, сколь и циничные рассуждения лидера АПС об установлении контроля над «Kronen Zeitung» в обмен на получение строительных контрактов, его уничижительные высказывания в отношении независимых СМИ и политических оппонентов².

Скандал, связанный с «ибица-гейт», вызвал крупнейший политический кризис с момента основания Второй республики и привел к отставке правительства. Но если карьера Х.-К. Штрахе и Й. Гуденуса была похоронена под обломками в одночасье рух-

¹ Стоит добавить, что на этом сходство политических процессов, протекающих в Австрии и странах Восточной Европы, отнюдь не заканчивается. Антимиграционная политика, критика Брюсселя и Берлина, стремление поставить национальные интересы выше общеевропейских, похоже, лишь подтверждают тезис о ползучей «орбанизации» Австрии.

² «Ибица-гейт» – это не только политический скандал, но и настоящая детективная история, которую исследователям еще предстоит распутать. По официальной версии, тайную съемку встречи Х.-К. Штрахе с «племянницей» российского олигарха осуществил детектив Ю. Хезенталлер, который, по его собственному признанию, сделал это из личной неприязни к АПС. Однако, по мнению ряда экспертов и политиков, тщательность и профессионализм, с которой была организована ловушка для Штрахе, свидетельствуют об участии спецслужб.

нувшей правительственной коалиции, то С. Курц сумел не только счастливо (как ему на тот момент казалось) пережить кризис, но и осенью того же года триумфально выиграть внеочередные парламентские выборы и вернуться на пост канцлера в союзе с «Зелеными».

Однако начатое прокуратурой и специальной парламентской комиссией расследование постепенно стало приобретать все более угрожающие черты для главы правительства и его соратников. Летом 2019 г. в домах Х.-К. Штрахе, Й. Гуденуса и представителей концерна «Novomatic» прошли обыски, в результате которых в руки следователей прокуратуры попала переписка экс-председателя АПС с Т. Шмидом и другими участниками тайных переговоров 2017 г.

А осенью 2019 г. «на мушке» у служителей закона оказался и сам Т. Шмид – верный соратник канцлера, на протяжении многих лет приводивший в исполнение его тайные замыслы. «Когда ранним утром 12 ноября 2019 г. Т. Шмид отдал полиции свой мобильный телефон, он пребывал в обманчивой уверенности, что все сделал правильно» [Melichar, Nikbakhsh, 2021b]. Вероятно, зная о готовящемся обыске, глава ÖBAG предусмотрительно стер (как ему казалось) все сообщения на своем телефоне. Но подготовив себе превосходные алиби, он совершенно забыл о резервной копии своего Apple iPhone XS Max, которая и погубила многообещающую карьеру молодого канцлера.

300 тыс. сообщений, переписка Т. Шмида с канцлером, его окружением, политиками, бизнесменами, тайные замыслы и секреты венского двора – все стало достоянием следователей прокуратуры, которые с типично австрийской педантичностью приступили к оценке полученных данных. В мае 2021 г. едва оправившуюся от «ибица-гейта» и первых волн пандемии COVID-19 страну потряс новый скандал. Опираясь на переписку Т. Шмида с канцлером С. Курцем и министром финансов Г. Блюмелем, WKStA обвинила главу правительства в лжесвидетельстве и незаконном участии в назначении Т. Шмида главой холдинга ÖBAG.

Попытки канцлера и грандов консерваторов обвинить прокуратуру в политической ангажированности (напоминавшие ата-

ки Д. Трампа на американскую юстицию) не увенчались успехом. Осенью того же года наступил финальный акт этой политической драмы. 6 октября прокуратура предъявила главе правительства обвинение в незаконном использовании государственных средств для финансирования своей избирательной кампании и подкупа СМИ, а откровенная переписка участников «Проекта Бальхаузплац» стала достоянием шокированной публики. В тот же день в ведомстве федерального канцлера и штаб-квартире «Новой народной партии – список С. Курца» прошли обыски.

9 октября под давлением своих «баронов» и «герцогов», а также партнеров по коалиции канцлер объявил о своей отставке, представив этот шаг как искреннее стремление сохранить политическую стабильность в стране («Моя страна важнее, чем моя личность!»). Но даже находясь в политическом цугцванге, он не терял надежды вернуться к кормилу власти, о чем свидетельствовал его переход на пост главы фракции консерваторов в Национальном совете¹. Однако все новые и новые факты политической коррупции, которые стали достоянием прессы и общества, сделали свое дело. В декабре 2021 г. С. Курц, которому еще совсем недавно многие наблюдатели пророчили блестящее будущее, заявил о своем полном уходе из политики.

По ком звонит колокол?

В начале 2000-х годов были изданы две монографии, которые существенно изменили традиционные представления интеллектуалов о демократии. Речь идет об исследовании английского социолога К. Крауча «Постдемократия» и работе «Нелиберальная демократия», вышедшей из-под пера американского исследователя Ф. Закарии [Крауч, 2010 ; Закария, 2004].

¹ Здесь опять прослеживаются аналогии с государствами Восточной Европы, в данном случае – с Польшей. Хотя Я. Качиньский на протяжении многих лет формально занимал лишь должность главы фракции партии «Право и справедливость», все ключевые решения принимались исключительно с его согласия. Данная аналогия усиливается и тем обстоятельством, что новый канцлер Австрии А. Шалленберг, ранее занимавший пост министра иностранных дел, сразу же заявил о своей полной лояльности С. Курцу.

Закария отмечал, что наличие демократических институтов и процедур само по себе еще не гарантирует торжество либерализма: «Американский дипломат Ричард Холбрук говорил по поводу Югославии 1990-х годов: “Предположим, что проведены свободные выборы, однако избранниками оказываются расисты, фашисты и сепаратисты”» [Закария, 2004, с. 5]. Хотя в центре внимания американского политолога находились преимущественно развивающиеся страны, его тезисы оказались применимы не только к Ближнему Востоку и Латинской Америке. Процессы, протекавшие в начале – середине 2000-х годов в Восточной Европе, полностью подтвердили теоретические выкладки К. Крауча и Ф. Закарии. Приход к власти в ходе демократических выборов в бывших странах соцлагеря праворадикальных популистов (В. Орбан в Венгрии, братья Качиньские в Польше и др.) заставил многих исследователей заговорить о появлении на политическом горизонте альтернативы либеральной демократии.

Эрозия «Ancien Régime»¹ перекинулась на развитые страны Европы и США. Размывание среднего класса, являвшегося на протяжении многих десятилетий опорой демократического порядка, проблема миграции, череда кризисов и неспособность традиционных политических партий – консерваторов и левоцентристов – ответить на вызовы времени дали исторический шанс правым популистам. Президентство Д. Трампа в США, успехи «Национального фронта» (ныне – «Национальное объединение») во Франции, Австрийской партии свободы в Альпийской республике, «Альтернативы для Германии» во всегда считавшейся оплотом политической стабильности ФРГ подняли «правопопулистскую волну» по обе стороны Атлантики, которая (как казалось на тот момент очень многим) грозила похоронить либеральную демократию.

Реакция политических систем стран Западной Европы и Америки на новый вызов эпохи предоставляет богатый материал для политической компаративистики. В одном случае речь шла о создании новых политических движений во главе с молодыми лидерами (например, «Республика на марше» Э. Макрона), которые

¹Фр. *старый режим*.

стремились максимально дистанцироваться от традиционных политических элит. В другом случае старые политические партии сумели стабилизировать ситуацию путем создания широкой коалиции (например, в ФРГ в 2017 г.). И наконец, в третьем случае следствием назревшего политического кризиса стал радикализовавшийся консерватизм, который в конечном счете «адаптировал» не только часть крайне правых лозунгов, но и некоторые авторитарные практики. Именно это мы могли наблюдать и в Соединенных Штатах после неожиданной для всех победы Д. Трампа, и в небольшой Австрии, где приход к власти «бирюзово-синей» коалиции ознаменовал радикальную смену внутри- и внешнеполитического курса.

Безусловно, даже в период пребывания С. Курца на посту канцлера Австрия оставалась демократической страной с развитой судебной системой, оппозицией и разделением властей. Вместе с тем именно в это время в политической жизни страны ясно обозначился ряд тенденций, которые не могли не вызвать ассоциации с политическим режимом В. Орбана. Попытки (причем весьма небезуспешные) поставить под контроль СМИ, назначение на командные посты своих приближенных, жесткая антимигрантская политика, нарастающий внутри консервативного лагеря евроскептицизм и критика Брюсселя – все это роднило Вену с Будапештом и Варшавой¹.

В настоящее время расследование в отношении экс-канцлера и его окружения ведут WKStA и новая парламентская комиссия; достоянием общественности становятся все новые и новые подробности о тайных сделках, интригах и борьбе за власть. Но главный вопрос касается даже не столько будущего С. Курца, который сейчас делает успешную карьеру в бизнесе, сколько судьбы демократии. Удастся ли правительству, парламенту и юстиции использовать кризис для давно назревшей санации политической системы? Или раскручивающийся маховик политического скандала

¹ В этом смысле можно утверждать, что политика С. Курца представляла собой «лайт-версию» режима В. Орбана в Венгрии, очищенную от «перегибов» (контакты с правыми экстремистами, чрезмерная критика ЕС, агрессивный антилиберализм и т.д.).

похоронит остатки легитимности политических институтов? «Для чего тебе огонь – сварить ужин или сжечь целый город?» (Э. Хемингуэй «По ком звонит колокол»).

Приложение

Сравнение ситуации в Австрии с политическими режимами в Венгрии и Польше

	Австрия	Венгрия, Польша
1	2	3
Идеология	Выражена нечетко, присутствуют отдельные элементы, характерные для праворадикального популизма (критика политического ислама, миграции и т.д.). При этом на официальном уровне подчеркивается приверженность демократическим ценностям.	Ярко выраженная идеология, в основе которой – примат национального государства, национализм, приверженность христианству, антилиберализм, резко отрицательное отношение к миграции.
Характеристика политического режима	Демократический режим с усилившимися в последнее время авторитарными тенденциями.	Авторитарный или полуавторитарный режим при сохранении демократических процедур.
Положение СМИ	Формальная независимость СМИ при фактическом установлении контроля со стороны государства над рядом бульварных изданий.	Постепенное подчинение СМИ и телевидения государству.
Положение юстиции	Сохранение независимости судов и прокуратуры.	Подчинение судебной системы и юстиции интересам правящей партии.

1	2	3
Степень вмешательства государства в экономику и частную жизнь граждан	Попытки установления контроля над государственными и полугосударственными предприятиями. Невмешательство в частную жизнь граждан.	Прямое вмешательство государства в экономику. Попытки построения государственного капитализма. Вмешательство в частную жизнь граждан ¹ .
Отношение с ЕС и позиционирование на международной арене	Усиление критики в адрес ЕС, декларирование принципа субсидиарности, «национализация» внешней политики, кооперация с Вышеградской группой.	Критика ЕС и ФРГ, создание Вышеградской группы, противостоящей Брюсселю по целому кругу вопросов.

Литература/References

Всемирный индекс свободы прессы. (2022) // Nonews. – Москва. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/worldwide-press-freedom-index> (дата обращения: 22.10.2022) [Worldwide press freedom index [Vsemirnyi indeks svobody pressy]. (2022) // Nonews. – Moscow. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/worldwide-press-freedom-index> (date of access: 22.10.2022)] (In Russian).

Закария Ф. (2004). Будущее свободы : нелиберальная демократия в США и за ее пределами / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва : Ладомир. – 384 с. [Zakaria F. (2004). The future of freedom : illiberal democracy at home and abroad [Budushchee svobody : neliberal'naya demokratiya v SShA i za ee predelami] / Transl. from English. – Moscow : Ladomir. – 384 p.] (In Russian).

Крауч К. (2010). Постдемократия / Пер. с англ. Н.В. Эдельмана. – Москва : Издательский дом ВШЭ. – 192 с. [Crouch C. (2010). Post-democracy [Postdemokratiya] / Transl. from English. – Moscow : HSE Publishing House. – 192 p.] (In Russian).

¹ В этой связи можно вспомнить запрет аборт в Польше, который был принят Конституционным судом страны в конце 2020 г.

Bachmann K. (2018). Zur Entwicklung der polnischen Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte. – Bonn. – 65. Jahrgang, N 10–11. – S. 9–14. – URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2018-10-11_online.pdf (date of access: 22.10.2022).

Baum D. (2021). Korruption und Postengeschacher : Wie Österreich zur Bananenrepublik wird // Der Stern. – Hamburg. – 14.05. – URL: <https://www.stern.de/politik/ausland/grosse-kultur-viel-korruption-na-servus-oesterreich-30520618.html> (date of access: 22.10.2022).

Brandstätter H. (2019). Kurz & Kickl : ihr Spiel mit Macht und Angst. – Wien : Kremayr und Scheriau Verlag. – 208 S.

Der türkise Weg : gefährdet die neue ÖVP Rechtsstaat, Demokratie und Pressefreiheit? (2021) // Hashtag Media. – Wien. – 28.06. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z-aHFj6gANY> (date of access: 22.10.2022).

Die gesamte Ibiza-Affäre im Video-Rückblick. (2019) // Krone TV. – Wien. – 24.05. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j8hXfofLXlo> (date of access: 22.10.2022).

Fleischmann G. (2020). «Ich bin nicht die Zensurbehörde» : interview von E. Linsinger // Profil. – Wien. – 20.07. – URL: <https://www.profil.at/oesterreich/gerald-fleischmann-ich-bin-nicht-die-zensurbehoerde/400976501> (date of access: 22.10.2022).

Guriev S., Treisman D. (2019). A theory of informational autocracy / SSRN. – Rochester, NY. – 03.04. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3426238 (date of access: 22.10.2022).

Kaltenbrunner A. (2021). Diskrete Vereinbarungen zwischen Medien und Politik : interview von A. Wetz // News. – Wien. – 24.07. – URL: <https://www.news.at/a/medien-politik-inserate-12177778> (date of access: 22.10.2022).

Lang K.-O. (2015). Innen-, außen- und wirtschaftspolitische Setzungen des «Systems Orbán» // Aus Politik und Zeitgeschichte. – Bonn. – 65. Jahrgang, N 47–48. – S. 17–24. – URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2015-47-48_online.pdf (date of access: 22.10.2022).

Melichar S., Nikbakhsh M. (2021a). Aus den Pilnacek-Chats : «Uns fehlt Trump» // Profil. – Wien. – 02.06. – URL: <https://www.profil.at/oesterreich/aus-den-pilnacek-chats-uns-fehlt-trump/401399703> (date of access: 22.10.2022).

Melichar S., Nikbakhsh M. (2021b). Mensch des Jahres 2021 ist ein Ding : das Handy von Thomas Schmid // Profil. – Wien. – 10.12. – URL: <https://www.profil.at/oesterreich/mensch-des-jahres-2021-ist-ein-ding-das-handy-von-thomas-schmid/401836510> (date of access: 22.10.2022).

Mitteilung nach § 50 Strafprozessordnung. (2021) / Zentrale Staatsanwaltschaft zur Verfolgung von Wirtschaftsstrafsachen und Korruption. – Wien. –

58 S. – URL: https://www.falter.at/media/downloads/kurz_akt_blacked.pdf (date of access: 22.10.2022).

Norbert Hofer holte die meisten Stimmen. (2016) // Kurier. – Wien. – 25.04. – URL: <https://kurier.at/einfache-sprache/norbert-hofer-holte-die-meisten-stimmen/195.106.848> (date of access: 22.10.2022).

Pilz P. (2021). Kurz : ein Regime. – Wien : Kremayr und Scheriau Verlag. – 256 p.

Rathkolb O., Zandonella M., Günther O. (2017). NS-Geschichtsbewusstsein und autoritäre Einstellungen in Österreich / SORA ; Institut für Zeitgeschichte der Universität Wien. – Wien. – 11 S. – URL: http://www.zukunftsfonds-austria.at/download/SORA_13069_Pressepapier_Geschichtsbewusstsein_autoritaere_Einstellungen.pdf (date of access: 22.10.2022).

Scheuba F. (2018). Wenn der Fleischmann zweimal klingelt // Der Standard. – Wien. – 10.01. – URL: <https://www.derstandard.at/story/2000071876128/wenn-der-fleischmann-zweimal-klingelt> (date of access: 22.10.2022).

Strache H.-C. (2021). Das Ibiza Attentat : was wirklich geschah und warum ich weiter für euch kämpfe. – Norderstedt : Books on Demand. – 300 p.

Strobl N. (2021). Radikalisierte Konservatismus. – Berlin : Suhrkamp Verlag. – 192 S.

Vetter R. (2017). Nationalismus im Osten Europas : was Kaczynski und Orbán mit Le Pen und Wilders verbindet. – Berlin : Links Christoph Verlag. – 248 S.

Wie man eine liberale Demokratie zerstört. (2021) / Geets S., Mayer G., Treichler R., Tschinderle F. // Profil. – Wien. – 29.05. – URL: <https://www.profil.at/ausland/wie-man-eine-liberale-demokratie-zerstoert/401396319> (date of access: 22.10.2022).

Wie Kurz Strache ausgetrickst hat. (2021) // ZackZack. – Wien. – 23.10. – URL: <https://zackzack.at/2020/10/23/wie-kurz-strache-ausgetrickst-hat-neue-dokumente-zu-tuerkis-blauem-postenschacher> (date of access: 22.10.2022).

Zöchling Ch., Winter J., Bauer G. (2022). Familienbetrieb : wenn Parteinähe mehr als Eignung zählt // Profil. – Wien. – 24.02. – URL: <https://www.profil.at/oesterreich/familienbetrieb-wenn-parteinaehe-mehr-als-eignung-zaehlt/401911153> (date of access: 22.10.2022).

Belinsky A.V.¹
**Shadow of Budapest at Balhausplatz:
Austria between liberal democracy
and «orbanization»**

***Abstract.** The article deals with the fate of liberal democracy in present-day Austria, which has recently become the subject of a wide socio-political discussion. Social and economic issues, the 2015–2016 migration crisis and inability of the political elites to respond to the challenges of the time, contributed, on the one hand to the empowerment of the right-wing populist Freedom Party of Austria, and, on the other hand, led to the radicalization of the conservative Austrian People's Party, which under its new chairman S. Kurz moved significantly to the right. The victory of both parties in the 2017 elections and subsequent negotiations between them, which culminated in the creation of a government coalition led by Kurz, marked a new chapter in the political history of Austria. As noted by a number of researchers and journalists, 2018–2019 were marked by a number of major changes in the country, which resembled the processes that had taken place in Eastern Europe ten years earlier. In particular, quite successful attempts were made by the parties of the government coalition to establish control over a number of media outlets through the so-called «announcements», a system for placing information in the press by various state authorities for a fee. As a consequence, the country faced a gradual deterioration of the situation with freedom of speech. All that resembled the events in Hungary, Poland and a number of other Eastern European countries, where right-wing radical populists had come to power in various ways and had taken control over a significant part of the press and television. Similar processes were observed in the system of public administration, where each of the parties sought to form their own informal «networks», as well as in tightening migration policy and rapprochement with the countries of the Visegrad Group. In conclusion, the author notes that, although Austria continues to be a democratic state, a number of trends have recently*

¹ *Belinsky Andrey Victorovich* – Ph.D. in Political Sciences, Senior Researcher, INION RAS (belinskii_andrei@mail.ru).

emerged in its domestic and foreign policy, indicating its gradual «orbanization».

Keywords: *Austria, S. Kurz, Ibiza-gate, Austrian People's Party, Freedom Party of Austria, «orbanization».*

Статья поступила в редакцию (Received) 23.10.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 28.11.2022.

Принята к публикации (Accepted) 23.12.2022.